

DOI 10.35775/PSI.2024.112.12.014

УДК 323

А.В. АГАФОНОВ

Первый заместитель генерального директора

АНО «Россия – страна возможностей»,

Россия, г. Москва

E-mail: aleksey.agafonov@rsv.ru

ПРОБЛЕМА МОЛОДЕЖНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ

В статье рассматривается проблема молодежного женского политического лидерства в контексте современного гендерного анализа. Исследование присутствия женщин во власти проводится на фоне актуальных проблем гендерного равенства и меняющихся социальных норм. Делается вывод о невозможности объективного решения гендерной проблемы из-за существования двух принципиально противоположных позиций. Одна основана на традиционном восприятии гендерной роли женщины, в то время как другая акцентирует внимание на борьбе за равные права с мужчинами, стремясь быть «такими же, как мужчины».

Ключевые слова: женщины во власти, политическая власть, молодежное политическое лидерство, гендер, женщина-политик.

Введение. На сегодняшний день гендерные исследования занимают особое место в системе социально-гуманитарного знания. Импульс этому научному направлению дала активная борьба женщин за свои права, обозначившаяся в середине XIX в., и продемонстрировавшая возможность женщины выступать в качестве активного, а, со временем, и успешного, политического актора. На современном отрезке времени женщины играют важную, а зачастую решающую роль в общественной жизни многих стран. С середины XX в. они занимают важное место в мировой политике и их процент в структуре высшей политической элиты, в том числе на руководящих постах в органах власти, неуклонно растет. Возникает вопрос, насколько актуально говорить о формировании особого политического явления «женская политическая элита» и ее субкультурном феномене «женщины-политические лидеры».

Объектом исследования является молодежное женское политическое лидерство в контексте проблемы женского лидерства и в хронологических рамках второго – начала третьего десятилетия XXI в. При анализе содержания объекта исследования («молодежное женское политическое лидерство»), мы можем выделить две его важнейшие предметные составляющие: проблему **женского** политического лидерства и проблему **молодежного** лидерства, как значимого политического феномена современности.

Гипотеза исследования сводится к утверждению, что женское политическое лидерство является эфемерным и размытым по своему содержанию явлением. Женщина может быть политическим лидером, в то же время, – более сложным является вопрос, насколько лидерство может быть «женским».

Резонным является замечание о самом политическом лидерстве, которое на поверку дня в своем основании **должно восприниматься как не женское, а мужское**. Рассуждения на тему того, что политика должна восприниматься как гендерно нейтральное явление, особенно в ретроспективе, не выдерживают никакой критики. Обобщенное понимание причин доминирования мужчин в так называемой «традиционной политике» (до середины XX в.) мы находим у американских социологов Рональда Инглхарта и Кристиан Вельцеля. Они указывают, «что политика связана прежде всего с организацией государственного аппарата насилия, обеспечивающего защиту от внешних врагов, а также поддержание законности и порядка. Пока оборона и безопасность оставались главными функциями государства, женщины из политической сферы были исключены» [8. С. 400].

Наша посылка сводится к тому, что на протяжении XX в. женщины боролись не за равные с мужчинами права, а за право «стать мужчинами». Таким образом, женское лидерство является всего лишь перлюстрацией культурного феномена, пришедшего из глубин традиционного маскулинного общества.

Эволюция гендерных теорий. Одна из известнейших икон феминистического движения второй половины XX в. Симона де Бовуар в своем политическом бестселлере «Второй пол» не отрицала очевидный характер различий между мужчиной и женщиной на биологическом уровне, но асимметрию на социальном уровне связывала исключительно с доминирующей ролью мужчины в истории. Деление на мужское и женской и «вторичность женского», по ее мнению, являются результатом «определенных социально-исторических условий» [3. С. 68]. Ей вторит американка Рейвин Коннелл: «Понятие «гегемония» в словосочетании «гегемонная маскулинность» означает социальное доминирование, достигаемое в результате игры социальных сил. Оно касается не только прямого соперничества, основанного на грубой силе, но и организации частной жизни и культурных процессов» [7. С. 250]. Последнее утверждение прямо указывает на социальную и культурную среду, неотъемлемой частью которых является мир власти и политики.

Симона де Бовуар считала борьбу за женскую эмансипацию, порождаемую различными течениями феминизма, несостоятельной в силу отсутствия у женщин «коллективного прошлого» [1. С. 83]. Развивая эту тему, следует отметить, что мир людей (применительно к подавляющей части цивилизационных образований) вплоть до XIX в. являлся «мужским миром», в котором женщины вторичны. В качестве примера приведем воспоминания русской курсистки образца 1899 г. Елизаветы Дьяконовой (написаны на французском языке). Она подчеркивает крайнюю степень ограниченности прав женщин в Российской империи, при этом она относится к передовой, прогрессивной части общества

и принадлежит к купеческому сословию. Показательно высказывание: «Сегодня мне исполнилось 25 лет. Страшно написать эти слова... сколько в эти годы можно было бы сделать, если б я была рождена свободным человеком!» [4. С. 476]. Сложно ответить на вопрос, какой смысл автор воспоминаний вкладывает в категорию «свободный человек»: тему гражданских прав или права мужчины: данные категории в Российской империи указанного времени близки по содержанию.

Удивительно, что отдельные переживания автора совпадают с рассуждениями американской исследовательницы Кэролайн Криадо Перес, утверждающей, что в современных ей США (второе десятилетие XXI в.), гендерное равенство и гендерная меритократия являются мифом: «То что миф о меритократии продолжает жить, несмотря на все <...> данные, свидетельствует о живучести другого мифа: о том, что «люди» – по умолчанию мужчины» [8. С. 137].

Таким образом, целесообразны рассуждения о психологии мужского политического лидерства и о женской психологии, которая на протяжении всего XX в., в границах «западного мира» трансформировалась сначала в сторону заимствования мужских структур сознания – образ «мужчины в юбке», а, затем, в сторону так называемой «гендерной нейтральности», направленной на стирание «мужских следов» в конституировании европейской системы государственно-правовых отношений, и формирование образа успешной женщины, с отказом от «традиционной женщины», в новом либеральном мире всеобщего равенства и гендерного многообразия.

На самом деле гендерное разнообразие выполняет всего одну функцию – демонстрацию процесса дезавуации «вторичности женщины» (ее несостоятельности как субъекта политической жизни) в обществе второй половины XX в. Теория гендера в этом плане позволяет уйти от биологизаторской и физиологической фиксации пола, против которых сложно возражать изначально, – морфология и физиология женщины и мужчины, как представителей одного биологического вида в подавляющем большинстве случаев различаются.

Несостоятельность женщины как социального агента пытались доказать такие мыслители как Артур Шопенгауэр, Отто Вейнингер, Фридрих Ницше, а также писатель Леопольд фон Захер-Мазох, психиатры Чезаре Ломброзо и Зигмунд Фрейд. Частично данные концепции получили развитие в философии второй половины XX в.: экзистенциалистов, философии постмодерна, в отдельных положениях антинатализма и др. В целом к концу XX в. следует отметить угасание мизогинных философских настроений, но наряду с этим мощный импульс получила дискуссия на тему феминизма-антифеминизма и дезавуации пола в принципе (например «проблема трансгендерного перехода»).

«Мрачная философия» представителей философской мизогинии первой волны сводилась к несостоятельности «женского мира» в принципе. Они утверждали, что социальное бытие является продуктом мужского культурного воображения. В основании данных философских проектов, которые можно рассматривать, как реакцию на женскую эмансипацию, лежала идея очевидной вторичности женщины – речь шла не о «инаковости», а именно «о

неполноценности». Примечательно, что и Бовуар высказывала мысли, созвучные рассуждениям женоненавистников от философии: «Женщина слабее мужчины... К этой слабости надо еще прибавить нестабильность, недостаточность контроля и уязвимость, о которых мы уже говорили, – все это факты. Таким образом, ее подход к миру оказывается более ограниченным; в ее проектах меньше твердости и настойчивости, да и осуществлять их она менее способна. Получается, что ее индивидуальная жизнь не столь богата, как у мужчины» [3. С. 68]. В то же время она указала, что женщина – не мужчина, она не хуже и не лучше, она – другая. Проблема в том, что ей не дали найти свое место в истории и сформировать самостоятельную «женскую культуру». «Мир женщины», является «не женским», он создан для нее мужчинами.

Социальные психологи Дж. Макки и А. Шерифс, отмечают, что «мужские стереотипы», как правило, проистекают из «социально детерминированного агрессивного стиля поведения». Мужское поведение связано с «авторитарным началом» и избыточной рациональностью. Женские стереотипы включают в себя «пассивность, интуицию, ориентированность на взаимодействие и сотрудничество, зависимость, подчинение мужчинам, непрактичность, неспособность к принятию важных решений, способность к эмоциональной поддержке» [9]. Указанный стиль поведения проявляется в социальной и политической активности.

В научной литературе подчеркивается, что «мужчины оцениваются в качестве высокостатусной группы в терминах компетентности и успеха, а женщины – в качестве низкостатусной группы – в терминах теплоты, эмоциональной поддержки, уступчивости». При этом «все позитивные черты «женственности» рассматриваются в качестве компенсации за отсутствие достижений группы женщин во властных отношениях» [9. С. 8].

Актуальные социологические исследования демонстрируют, что в современном российском обществе преобладают традиционные гендерные ценности, с поправкой на условную демократизацию семейных отношений: роль мужчины в решении семейных бытовых проблем возросла; оба супруга в равной степени формируют бюджет семьи; «мужскую работу» в семье теперь делает специалист «за деньги»; мужчина теперь не занимается «серьезным делом» – для него также открыты «творческие профессии». В то же время исследователи подчеркивают, что «в обществе сохраняется традиционное представление о ролях «мужчина – защитник, а женщина – хранительница домашнего очага». Вопрос только в том, для какого количества людей оно является реальным, а сколько из них живет в собственных фантазиях» [6].

Подавляющая часть исследователей подчеркивает, что даже в традиционном обществе гендерные стереотипы подвержены трансформации «за счет процессов миграции или «импорта» гендерных стереотипов вследствие межкультурного обмена гендерными паттернами» [9. С. 11].

Женское политическое лидерство. Политическое поведение может быть детерминировано особенностями эпохи вхождения в мир политики, окружением

(воспитатель-наставник, непосредственный руководитель-начальник, кооперация/соратники). Допустим, что процесс политической социализации потенциальной женщины-лидера шел относительно длительный отрезок времени в тотальном окружении мужчин. Насколько тип и содержание поведения женщины-лидера останется «женским»? И будет ли он «женским» в принципе?

Итак, мы говорим о господстве «мужской культуры», о «мужских ценностях», о «мужчинах-наставниках», системе и формах, которые должны породить лидера-женщину. Перефразируя поговорку, можно сказать, что в случае успешной женщины-политика следует «искать мужчину» (**trouver le maître**)... – затем мужской стиль становится вирусным и доминирующим. Или трансформация все-таки наступает, а на стыке двух гендеров возникает новая форма?

Австралийская социолог Рейвин Коннелл указывает, что традиционная феминность должна выводиться из «вторичности женщины в истории»: «... как адаптация к мужской власти и как подчеркнутое согласие с ней» [7. С. 256]. Данный формат поведения противоречил традиционной роли женщины в «мужском обществе». «Все формы феминности в обществе конструируются в контексте общего подчинения женщин мужчинам» [7. С. 254]. Таким образом, альтернативная форма поведения является либо антимаскулинной, либо маргинальной и для официальной мужской культуры негативно девиантной, то есть контркультурной.

С нашей точки зрения, важным является вопрос, насколько борьба женщин за равные права изменила мир политики. Насколько женщины смогли приспособиться к «мужскому миру», изменить его – сделать его антимаскулинным? Кто такая современная женщина-лидер – новый тип лидера или всего лишь симулякр мужчины? В последнем случае политическое лидерство должно пониматься, как лидерство женщины, мимикрирующей под политическое поведение «лидера-мужчины». Примечательно, что «возрастные» женщины-политики были выращены в мужской среде и играли по мужским правилам, что соответствует и рассуждениям Симоны де Бовуар.

В то же время, Кэролайн Криадо Перес указывает, что, оказавшись в политике, женщины, сохранившие «женские стереотипы мышления», если их значительное большинство (речь идет о представительных органах власти) начинают принимать не «мужские», а «женские» решения. В частности, «результаты ряда исследований, выполненных в США с 1980-х по 2000-е гг., свидетельствуют, что женщины, наделенные властью, чаще всего считают женские проблемы приоритетными и чаще поддерживают законы, направленные на решение этих проблем» [8. С. 356].

В XXI в. появился значительный процент женщин-подростков, прошедших первичную социализацию в формате унисекс-культуры и, даже, феминистических настроений, отрицающих мужской сексизм и мужское доминирование. Возникает иллюзия возможности формирования «унисекс-политики». Вопрос в том, насколько мужчины-политические лидеры готовы уступить женщинам место рядом с собой, позволить женщинам собой управлять. Даже современный

мир западных демократий остается «мужским», а альтернативный ему «анти-мужской мир» «воинствующего феминизма» не является подлинно женским. В обществах с сильной традиционной составляющей маскулинное начало остается господствующим.

В соответствии с «культурной картой» Инглхарта-Вельцеля современное российское общество (наряду с Украиной и Эстонией) можно отнести к социальным формам с высокими индексами «светско-рациональных ценностей» и «ценностей выживания» [5]. Первая группа ценностей может рассматриваться как «смягченная» версия традиционных ценностей. Вторая ориентируется на обеспечение физической безопасности и детерминирована этнокультурными особенностями страны или региона. Эту группу отличает низкий порог социальной толерантности. Создатели теории подчеркивают, что для современного российского общества характерен низкий уровень доверия как к людям, так и к государственным и социальным институтам. Подчеркивается, что Россия медленно движется к традиционным ценностям.

В отношении гендерного равенства авторы теории подчеркивают: «Утверждение гендерного равенства – один из аспектов процесса человеческого развития, сравнимый по значению и тесно связанный с общемировой тенденцией к демократизации. С начала истории женщины при любом строе занимали в обществе более низкое положение... Роль женщин в основном ограничивалась репродуктивными функциями и ведением хозяйства: принятие решений в публичной сфере и политическая власть в подавляющем большинстве случаев были делом мужчин» [5]. Эмансипации женщины рассматривается как неотъемлемая составляющая процесса модернизации в постиндустриальном обществе, а степень эмансипации определяет качество демократических процессов в обществах будущего. Подчеркивается, что «...объективно женщины обладают теми же способностями, что и мужчины, и могут реализовывать их за пределами традиционно отводящейся им ограниченной роли» [5. С. 394]. В середине XX в. эту мысль отстаивала Симона де Бовуар, полагая, что в социокультурном плане женская индивидуальность тождественна мужской.

В свою очередь, Р. Инглхарт и К. Вельцель характеризуют современное общество еще и как общество знаний, где грубая физическая сила, дававшая значительные возможности мужчинам, утратила значение. Необходимы «...творческое мышление, умение работать с людьми и интеллектуальные способности – а во всем этом женщины как минимум не уступают мужчинам...» [5. С. 400]. Далее авторы подчеркивают, что «с расширением социальных функций современного государства организация аппарата насилия перестала занимать в его деятельности центральное место. Как только это случилось, началось размытие мужской монополии в политической жизни» [5. С. 400]. Современная власть все больше связана с интеллектом и убеждением. Авторы подытоживают свои рассуждения тем, что традиционное «государство принуждения» было построено на абсолютной мужской монополии в политике, а современное «государство благосостояния» стало драйвером для выхода женщины на политическую арену.

Р. Инглхарт и К. Вельцель настаивают: тема гендерного равенства в политике возникла недавно, что связано с изменением характерного для западного общества механизма социализации. Молодые люди отказываются от традиционной фиксации гендерных позиций и выступают за размывание гендерных ролей в принципе, при этом «...молодые женщины переходят к эгалитарному подходу быстрее, чем молодые мужчины». В то же время «в общемировом масштабе даже среди молодых женщин те, кто категорически отвергает идею «мужского превосходства», пока не составляют абсолютного большинства» [5. С. 398].

Понимание современного российского политического ландшафта определяется тем, что в обществе по-прежнему преобладает так называемое «патриархальное начало», в официальной политической повестке связанное с маскулинностью. Эту условно «генетическую связь» безотносительно к российскому обществу подчеркивает Рейвин Коннелл: «Связь между гегемонной маскулинностью и патриархальным насилием близкая, но не простая» [7. С. 250]. Ряд политических экспертов отмечает, что целенаправленно поддерживаемая в России система стереотипов, проистекающая из биологических различий, образуют «естественные» основания «для дихотомии значительной части областей жизнедеятельности, жизненных целей и норм поведения» [10]. Как следствие, политика воспринимается как мужская сфера. Даже на современном отрезке времени женщины допускаются в высшие сферы власти с осторожностью, если они заимствовали и последовательно демонстрировали «чужую им» «мужскую модель поведения», отказываясь от потенциала и возможностей, которыми обладали [10]. В советские времена это оборачивалось трагедией. Показателен пример Екатерины Фурцевой, креатуры Никиты Хрущева, прошедшей путь от простой ткачихи до Первого секретаря Московского горкома КПСС и Министра культуры СССР и, по всей вероятности, покончившей жизнь самоубийством из-за конфликта с Леонидом Брежневым, зачищавшим политическое пространство после «переворота» 1964 г.

В странах Запада также наблюдается постепенная трансформация. Раньше речь шла исключительно о «мужской повестке» в политике, к середине XX в. появляется «женская повестка» – как борьба женщин за равные с мужчинами «мужские права». На этом отрезке формируется гендерная повестка, представленная маргинальными формами антимаскулинности, из которых выкристаллизуется образ «женщины-активистки» и «женщины-политического лидера». В поведении женщины-лидера мы видим разные формы: мимикрия мужского поведения (Маргарет Тетчер), антимужское поведение «воинствующих (радикальных) феминисток» (подобных Жермен Грир или Андреа Рите Дворкин), маргинальное поведение унисекс-культур активисток и представительниц LGBTQ-сообщества (1) (подобных «радикальной лесбиянке» Моник Виттиг). Последняя группа становится популярна у молодежи. В ней размывается «традиционное мужское поведение» и обозначается доминирующая роль женщины-политической экстремистки. В России проявлением данного тренда становится «московское крыло» экстремистской группы «Война», а также ее контркультурная,

а, скорее, антикультурная проекция – феминистическая панк-группа Pussy Riot, представители которой, уже в эмиграции, продолжали продвигать антимаскулинную, условно «правозащитную», повестку.

Именно два последних формата характерны для молодежного женского лидерства, подхлестываемого юношеским максимализмом и политическим идеализмом, так как социализация посредством «мужских форм» требует не только определенной биологической предрасположенности, но и длительного пребывания в «среде», формирующей определенный мировоззренческий ландшафт, рядом с мужчинами-политиками и, в данном, случае для женщины очень важно не только не попасть под влияние своего начальника («лидера») или политической группы («политического актива»), лишившись своей индивидуальности, но и получить осязаемую поддержку, как это было в случае с Ангелой Меркель (примечательно то, что и отец А. Меркель и отец Маргарет Тетчер были христианами священниками, формирующими вокруг дочерей пространство «традиционных ценностей»); важную роль в карьерном росте Меркель также сыграл канцлер Германии Гельмут Коль, сделавший ее вторым человеком в ХДС). Очевидно, что в случае с политической социализацией мы можем говорить о теории «гендерного дисплея» (представлениях о «мужском» и «женском»), в данном случае применительно к политике. Один из разработчиков теории Ирвинг Гофман, утверждал, что гендер создается и воспроизводится в процессе постоянного взаимодействия, процессе «социальной драматургии», – «лицом к лицу». Как следствие, целесообразно говорить о том, кто находится на «гендерном дисплее» и формирует гендер, как «достижимый статус». Таким образом, гендер следует понимать, как «культурно и социально детерминированный конструкт» (2).

Таким образом, при создании условной типологизации, опирающейся на мотивацию, мы можем поделить женщин-лидеров на: 1) «традиционных женщин-мужчин»; 2) «женщин-антимужчин» разной степени радикальности; 3) женщин, «находящихся в активном поиске» «женского стиля» в политике – представителей этой группы можно условно назвать «женщинами-политиками нового типа». Последняя группа находится в стадии формирования и не факт, что в конечном счете оформится в самостоятельный феномен. Ряд исследователей полагает, что в основание поведения представителей этой группы необходимо поместить, так называемые «исключительно женские». Так при анализе интеллектуальных и эмоциональных предикторов женского лидерства М.А. Афонина отмечает: «В первую очередь, подтверждается небольшая предрасположенность мужчин к выбору рационального интеллекта, а женщин – эмоционального. Закономерность ответов подтверждает результаты ряда исследований, что женщинам, вероятно, более присущи (или они стремятся больше полагаться на эти качества) эмпатия, гибкость и адаптивность, тогда как мужчинам критическое и проектное мышление. Из-за этого женщин чаще называют более мягкими руководителями, они легче коммуницируют и более гибки, чем мужчины, и многие считают это качествами, данными от природы или обусловленными эндокринной системой... Женщины немного более стрессоустойчивы мужчин,

стремятся принимать более мягкие, не поляризованные решения («мягкая сила»), более склонны к «эко-лидерству» [2. С. 1]. Удивительно, что об этом рассуждает именно женщина, косвенно выводя проекцию культурного поведения из женской физиологии.

Следует обратить внимание на весьма специфическую эксплуатацию женского лидерства в экономике, а именно теорию «стеклянного утеса» (Glass Cliff), разработанную экспертами Эксетерского университета А. Хасламом и М. Райаном, и напрямую связанную с «эмпатийным характером» женского поведения (3). Суть теории в том, что женщины-лидеры активно эксплуатируются в кризисные периоды. Данная стратегия обусловлена тремя основными причинами.

Во-первых, неблагоприятными обстоятельствами, в которых подавляющая часть успешных менеджеров старается не рисковать. Женщина-лидер, которой зачастую представляется единственная возможность проявить себя (оценка Юты Элисон Кук и Кристны Гласс) становится заложником банального сексизма (иногда бессознательного, но, все-таки, сексизма). В политике примером такой стратегии стала политическая судьба британского премьер-министра Терезы Мэй, ставшей заложницей крайне сложного для любого политика симбиоза экономического и политического кризиса.

Вторую причину следует отнести к стереотипам, также напрямую связанным сексизмом – руководители компаний в отдельных случаях считают, что вину за экономические и управленческие просчеты легче свалить на женщин, в очередной раз подчеркнув их недостаточную компетентность. Возникает порочный круг – женщину-лидера ставят в заведомо проигрышное положение, а затем указывают, что результатом «провала» стало именно «женское руководство».

Наконец, третьей причиной следует считать недобросовестный найм персонала. Данная причина носит отчасти конспирологическое содержание. Считается, что компании заведомо стремятся нанимать мужчин-руководителей, но в условиях «меритократического перехода», чтобы создать видимость толерантности, они сознательно замещают опасные участки женщинами-управленцами, особенно когда убеждены, что их деятельность заведомо обречена на провал.

Иногда женщинам удается избежать неудачи и спасти компанию, данный эффект получил название «пробить «стеклянный потолок»», но такие случаи являются скорее исключением. Как мы видим в западной экономике отношение к женщине-управленцу также во многом обусловлено эффектом маскулинности. Е. Ишински и Д. Тиш, в частности, указывают: «Несмотря на то, что представительство женщин-миллиардеров постепенно увеличивается, барьеры, ограничивающие их доступ к высокому уровню благосостояния, сохраняются, укрепляя привилегированное положение мужчин. Несмотря на продолжающиеся усилия по поддержке женщин-предпринимателей, мужчины по-прежнему занимают наиболее экономически выгодные позиции» [12]. Таким образом, «женский стиль», проистекающий из стремления женщины к самоопределению,

оказывается препятствием при стремлении женщины проявить себя не только в мире политики, но мире бизнеса.

Традиционные женщины-лидеры «мужского политического мира», «женщины-мужчины» шли к вершине преимущественно одним и тем же путем и, как правило, достигали пика карьеры только к 35-40 годам. Так, премьер-министр Великобритании Маргарет Тетчер вошла в мир «большой политики», выиграв на выборах в Палату Общин только в 34 года, до этого она была активисткой нижнего звена, и продвигалась благодаря поддержке ее родителей, в первую очередь отца и мужа Дениса. В октябре 1961 г. (в возрасте 36 лет) она была выдвинута на должность парламентского замминистра пенсий и государственного соцстрахования, в 1970 г. (в 45 лет) стала министром просвещения и науки, где подверглась жесточайшей критике, как «похитительница молока» («**Margaret Thatcher, Milk Snatcher**»), в 1975 г. (в 50 лет) возглавила Консервативную партию и в 1979 г. стала первой женщиной – премьер-министром Великобритании. Примечательно то, что в 1975 г. (в 54 года) она получила прозвище «The Iron Maiden» (термином в средневековье обозначали устройство для пыток), позднее прозвище было смягчено до «железной леди». Путь в политику для Тетчер был сложным. Ее никогда не отличал «женский стиль» поведения – ее всегда окружали мужчины, она никогда не была замечена в феминизме.

Пример успешных женщин-лидеров, достигших политических вершин как «женщина-мужчина», демонстрируют Ангела Меркель (свой первый министерский портфель в качестве федерального министра по делам женщин и молодежи она получила в возрасте 37 лет, а канцлером стала в 51 год), а на современном отрезке времени Урсула фон дер Ляйен. Примечательно, что в 2021 г., уже постфактум, Меркель назвала себя феминисткой (в 2017 г. на подобный вопрос журналиста она отказалась отвечать), вкладывая в данную категорию смысл «равенства мужчин и женщин, принимающих участие в общественной жизни». Думается, здесь можно говорить о политической конъюнктуре.

Следует отметить, что подавляющая часть современных «успешных» женщин-политических лидеров пришла из мира мужской политики и прошла политический путь идентичный «мужскому». Значительная часть женщин-представительниц политической элиты либо имела успешных родителей, либо – успешных мужей, либо была приведена в политику своими боссами (отношения с которыми, в ряде случаев остаются не до конца ясными для научного понимания, но очевидными с точки зрения политического пиара и сплетен). Эти женщины, в отличие от современных молодых активисток, получили отличное образование, а, зачастую, имеют научные степени и не имели проблем с трудоустройством и карьерным ростом.

Современные внесистемные молодые активистки – в основной своей массе это **self-made woman**, происходящие из **underclasses** и отличающиеся высокой степенью маргинальности. В странах Восточной Европы, Южной и Латинской Америк к этому добавляется связь с оргпреступностью, политическим экстремизмом и коррупцией. Например, в статье о Грете Тунберг отечественные

исследователи С.А. Семедов и В.А. Сухарева с достаточной долей цинизма рисуют «типичного для Запада» «подростка»-эко-активиста: «В идеале Грета должна быть из несчастной семьи, ее должна воспитывать мать-одиночка, бабушка или она вообще должна быть сиротой. Грета должна была нуждаться и через лишения познать всю несправедливость мирового устройства...» [11. С. 125]. Мы видим образ маргинала с весьма неопределенным будущим. Если следовать концепции социал-дарвинизма, к этому должны быть добавлены отсутствие качественного образования, а лучше, слабая обучаемость. Грета идеально подходит под шаблон политического фрика. Ей приписывают синдром Аспергера, обсессивно-компульсивное расстройство и селективный мутизм.

Что касается «женщин-антимужчин» и женщин, «находящихся в активном поиске» «женского стиля» в политике, мы можем говорить не столько о формализованном политическом лидерстве, сколько об активизме.

Среди ярких современных активисток данного типа можно выделить, как отмечалось выше, г. Тумберг, а также Эмму Гонсалес, Амарианну «Мари» Копени, Малалу Юсуфзай, Яру Шахиди, Софи Круз, Марли Диас и др. Подавляющая часть этих девушек не являются ни феминистками, ни профессиональными политиками. А их политическая активность зачастую продиктована социальным отчаянием, порождаемым нестабильным миром. Это либо борьба с культурными мизогинными, этнокультурными и расовыми традициями или предрасудками региона, или страны, как в случае Малалы Юсуфзай (самого молодого лауреата Нобелевской премии мира), Шахиди, Диас, либо борьба за экологическую повестку, как в случае с Тумберг, Сингер или Копени.

Заключение. Объективное решение гендерной проблемы на современном отрезке времени оказывается невозможно. Существуют две кардинально противоположные точки зрения: одна выходит из традиционного восприятия гендерной роли женщины, вторая сводится к борьбе за равные с мужчинами права, то есть за стремление быть «такими же, как мужчины». При этом трансгендерность это всего лишь маскировка – стремление замаскировать мужское и через трансгендер навязать мужчине традиционную женскую роль, также созданную мужчинами. Женщина-политик в этом плане показательна – она мимикрирует мужское поведение, называя это «подлинными женскими правами».

Подводя итоги исследования, акцентируем внимание на важности анализа молодежного политического лидерства через призму гендерных факторов. В современных условиях, когда молодежь становится активным участником политических процессов, надо учитывать влияние гендерных стереотипов и социальных конструкций, которые могут влиять на проявление лидерских качеств.

Гендерная теория предоставляет ценностные инструменты для понимания того, как традиционные роли и ожидания, связанные с полом, формируют политическую активность и стратегии молодого поколения. Важно содействовать созданию условий, в которых молодые люди, независимо от их половой

принадлежности, смогут участвовать в политической жизни, формируя более справедливое и устойчивое общество.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) «Международное общественное движение ЛГБТ» признано экстремистским и террористическим, запрещено на территории России.
- (2) Gender Display // <https://www.csun.edu/~snk1966/Goffman%20Gender%20Display.pdf>.
- (3) The Glass Cliff // <https://web.archive.org/web/20110727233341/http://psy.ex.ac.uk/seorg/glasscliff/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Айвазова С.Г.** Симона Де Бовуар: жизнь – самоосуществление. // Женщины в политике: новые подходы к политическому. Феминистский образовательной альманах. Вып. 1. Пол политики. 2012.
2. **Афонина М.А.** Эмоциональные и интеллектуальные предикторы женского лидерства // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 5.
3. **Бовуар С. де.** Второй пол. Т. 1 и 2 (пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой; коммент. М.В. Аристовой). М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
4. **Дьяконова Е.А.** Дневник русской женщины. М.: Эксмо, 2023.
5. **Инглхарт Р., Вельцель К.** Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
6. **Карпова М.К., Бученкова Э.О.** Традиционные гендерные стереотипы в условиях современности // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». Т. 9. № 1 (33). Онлайн. 17.07.2024 // https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/karpova_mk_buchenkova_eo_2021_1_19.pdf.
7. **Коннелл Р.С.** Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика (авторизованный пер. с англ. Т. Барчуновой). М.: Новое литературное обозрение, 2015.
8. **Криадо Перес К.** Невидимые женщины: почему мы живем в мире, удобном только для мужчин. Неравноправие, основанное на данных. М.: Альпина Паблишер, 2020.
9. **Максимова О.Б., Масликов А.А.** Гендерные стереотипы как разновидность социальных стереотипов: функции в социальной коммуникации // Мир науки. Социология, филология, культурология. № 3. Онлайн. 18.07.2024 // <https://sfk-mn.ru/PDF/01SCSK321.pdf>.
10. **Пономаренко Т.В.** Социально-психологические особенности политического лидерства женщин: На материалах постсовет. периода: автореф. дис. к. психол. н. М., 2001.

11. Семедов С.А., Сухарева В.А. Феномен Греты Тунберг или технологии медиатизации протеста // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 1 (13).
12. Ischinsky E., Tisch D. Women in the Global Super Rich // An Analysis of the Forbes World's Billionaires List. Онлайн. 17.07.2024 // <https://www.researchgate.net/publication/373005421>.

A.V. AGAFONOV

First Deputy Director General
of Autonomous Nonprofit Organization
«Russia – The Country of Opportunities»,
Moscow, Russia

THE PROBLEM OF YOUTH POLITICAL LEADERSHIP IN THE CONTEXT OF GENDER THEORY

The article examines the problem of youth women's political leadership in the context of modern gender analysis. The study of the presence of women in power is conducted against the background of urgent problems of gender equality and changing social norms. The conclusion is made about the impossibility of an objective solution to the gender problem due to the existence of two fundamentally opposite positions. One is based on the traditional perception of the gender role of women, while the other focuses on the struggle for equal rights with men, striving to be «the same as men.»

Key words: women in power, political power, youth political leadership, gender, female politician.